

ОТ БОТТИЧЕЛЛИ ДО КАРАВАДЖО
100 ШЕДЕВРОВ УФФИЦИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 75:069

ББК 85.14

В67

Художественное оформление серии Виктории Лебедевой

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к тестовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, а также фотографии, распространяемые по лицензии Creative Commons, а также изображения по лицензии Shutterstock.

От Боттичелли до Караваджо. 100 шедевров Уффици / В 67 Елена Кушнир. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с.: ил. — (Искусство в лекциях Паолы Волковой).

ISBN 978-5-17-116245-0

Галерея Уффици, расположенная в самом сердце Флоренции — вечно живой памятник человеческому гению и оттиск величия Ренессанса. Внушительная коллекция шедевров, принадлежавшая знаменитому семейству Медичи, разместилась в великолепном здании, возведенном архитекторами Дж. Вазари и Б. Буонталенти. Общее количество картин галереи насчитывает около двух тысяч и еще почти столько же хранят ее фонды. В залах музея выставлено богатейшее собрание итальянской живописи XIII–XVIII веков: картины художников Пьеро делла Франческа, Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана и Караваджо. Выстроенная в хронологическом порядке экспозиция дает возможность посетителям изучить особенности художественных школ и проследить, как течения в искусстве сменяли друг друга.

В этом иллюстрированном издании собрано описание ста лучших шедевров галереи Уффици. Вместе с автором книги и знаменитым искусствоведом Паолой Волковой вы совершите увлекательное путешествие в мир искусства и откроете для себя сокровища одного из самых посещаемых музеев мира.

УДК 75:069

ББК 85.14

ISBN 978-5-17-116245-0

© Е.Е. Кушнир, текст, 2019

© П.Д. Волкова, наследники, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

“

Флоренция — ты светлая мелодия
Во сне. Картин безмолвие в Уффициях.
Плеск мерный Арно. В ласковой природе я
Подслушал тайну, буду ей молиться я.

АМАРИ

A detailed still life painting featuring a variety of fruits and leaves. In the foreground, a cluster of translucent, reddish-purple grapes sits in a woven basket. To the left, a bunch of brown, dried leaves hangs down. In the center and right, several pears and apples are visible, some with yellow and red hues. A large, dark green leaf with prominent veins is at the top. The background is a textured, light-colored surface.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1560 году началось строительство того, что впоследствии стало одним из самых известных в мире музеев искусства, была отмечена особая веха в истории флорентийского государства. Флоренция вошла в новый период своего существования: от республики — к монархии, от демократии — к диктатуре. Пусть даже видимые и формальные, народные свободы, которые столетиями составляли предмет гордости флорентийцев, были окончательно упразднены. Флоренция получила политический статус герцогства, во главе которого встал Козимо I Медичи, названный первым Великим герцогом Тосканским.

Но диктаторы бывают разными. Козимо I происходил из примечательной семьи. История дома Медичи неразрывно связана не только с историей Флоренции, но и с самим течением, определившим культуру всей западной цивилизации и сформировавшим ее современный облик. Коллекционеры, меценаты, философы-гуманисты и даже поэты, Медичи справедливо считаются крестными отцами Ренессанса. Выходцы из деревенской местности Муджелло близ Флоренции, в XIII веке они оторвались от крестьянских корней, чтобы заняться в городе торговлей шерстью и меняльным делом. Надменные флорентийские патриции не давали забыть Медичи об их скромном происхождении. Страдала от этого и юная представительница фамилии, которая в XVI веке вышла замуж за французского принца и тернистыми путями дошла до короны Франции: презрительные шепотки об итальянской «купчихе» и «лавочнице» преследовали Екатерину Медичи в коридорах Лувра даже на вершине власти. Между тем из века в век семейство Медичи отличалось тем, чем не могли похвалиться венценосцы и гордые аристократы, ведущие свои родословные от рыцарей, которые участвовали в крестовых походах.

Галерея Уффици. Внутренний двор

Официально банк Медичи был создан 1 октября 1397 года, когда стоявший на тот момент во главе семьи Джованни ди Биччи Медичи открыл во Флоренции головную контору. Пройдет не так много времени, когда благодаря финансовым талантам и легкой авантюрной жилке Джованни филиалы его конторы появятся не только по всей Европе, но и за ее пределами, а Медичи станут «банкирами Бога», то есть папской курии, что повысит престиж банка до головокружительных высот. Джованни ди Биччи стал первым Медичи, имевшим отношение к меценатству. Он был одним из членов городской комиссии, избравшей Гиберти для создания бронзовых ворот баптистерия собора Санта-Мария-дель-Фьоре, которые Микеланджело называл «вратами в Рай». Помимо этого, Джованни пригласил для возведения усыпальницы молодого архитектора Микелоццо и скульптора Донателло, чья слава все сильнее расцветала во Флоренции. Но подлинными меценатами Медичи становятся при сыне Джованни, получившем блестящее образование гуманиста и одновременно унаследовавшем финансовый гений отца.

Козимо Медичи, который не просто вышел на политическую арену, но и стал некоронованным королем флорентийского города-государства, был страстным поклонником Платона. Он окружил себя выдающимися философами-гуманистами, создав во Флоренции подобие древнегреческой философской школы, названной Платоновской академией. Коллекционируя античные манускрипты, он рассылал повсюду агентов в поисках рукописей с древней мудростью, утраченной в Темные века и вновь выходящей на свет из забвения. Его отличала терпимость в вопросах веры и такая широта взглядов, что это зачастую служило предметом толков. Так, для своего нового дворца, постро-

Школа Аньоло Бронзино.
Портрет Джованни
ди Биччи де Медичи,
основателя банка
Медичи.
Около 1559–1569 гг.
Коридор Вазари,
Флоренция

енного Микелоццо, Козимо заказал у Донателло, с которым находился в тесной дружбе, скульптуру ветхозаветного Давида, считавшегося символом Флоренции. Бронзовая статуя в человеческий рост была водружена на пьедестал в центре двора палаццо Медичи, и каково же было изумление флорентийцев, когда они увидели полностью обнаженного, в языческих традициях, прекрасного юношу, чья фигура дышала неприкрытым эротизмом! Козимо заказывал фрески у погруженного в молитвенный экстаз доминиканского монаха фра Беато Анджелико и картины у завсегда трактиров и любителя женского общества фра Филиппо Липпи, которому неоднократно помогал выбираться из трудных ситуаций. Когда заказчики однажды пожаловались Козимо на вызывающее поведение Липпи, тот призвал отнестись к мастеру снисходительно. Во времена, когда ху-

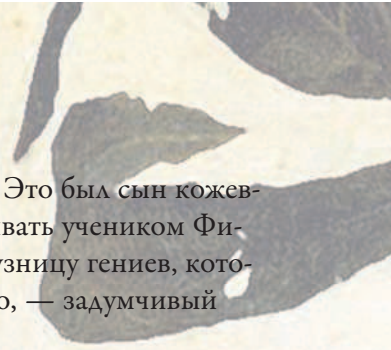
дожники по общественному статусу не отличались от ремесленников низшего звена и даже не имели собственной гильдии, Козимо говорил, что они «не из плоти и крови, как прочие люди, а из звездного света сотворены».

Историк семейства Медичи Пол Стратерн пишет: «Весьма вероятно, что именно Донателло, вместе с иными гуманистами — друзьями Козимо, убедил его заняться коллекционированием предметов старины, многие из которых он самолично для него реставрировал». На собственные средства Козимо Медичи отреставрировал и монастырь Сан-Марко, где открыл первую в мире публичную библиотеку. В голодный год правитель Флоренции распорядился выдать народу заранее припасенное зерно. Он принимал иностранных послов, кропотливо занимался административными делами и добился во Флоренции мира. Но, пожалуй, самым выдающимся его деянием следует считать участие в появлении над Флоренцией того, что стало символом города, известным во всех странах света. Терпя бурный темперамент другого вспыльчивого гения — зодчего Филиппо Брунеллески, Козимо спонсировал возведение над собором Санта-Мария-дель-Фьоре колоссального купола, строительство которого больше столетия считалось невозможным. Исследовав в Риме остовы античных зданий, Брунеллески, однако, сумел придумать конструкцию купола в форме перевернутого яйца. Сейчас купол, «чья тень накрывает собой Тоскану», кажется нам скорее рыжим цветком с сомкнутыми лепестками.

Козимо Медичи умер в 1464 году, по легенде, со свитком Платона в руках. Его расходы на строительство новых зданий, заказы предметов искусства, благотворительность и налоги на пользу родному городу превысили состояния евро-

пейских королей. Классическая скульптура, архитектурные чудеса Древнего Рима, гуманистическая философия с ее новым представлением о человеке и мире, выместившим средневековые догматы, кардинально новое отношение к творческим людям появились во Флоренции XV века и распространились постепенно по всем городам и временам во многом благодаря этому удивительному банкиру. Признательные флорентийцы присвоили ему звание *Pater Patriae* («Отец отечества»), высеченное на его надгробии в семейной церкви Медичи Сан-Лоренцо. Через два года там будет похоронен величайший скульптор своего времени Донателло, не пожелавший и после смерти расставаться с другом, который первым со времен античности научился понимать художников и заслужил имя мецената.

Заря Ренессанса заблестала и взошла. Голоса неоплатоников поднимались выше проповедников и монахов. Искусство, предвестником которого стал в XIV веке тосканец Джотто ди Бондоне и на языке которого разговаривал флорентиец Данте, рождалось заново. Оглядываясь на пример Флоренции, итальянские князья стремились обзавестись собственным двором, где вели ученые беседы философы и творили художники. Этому способствовал и наследник Козимо, прозванный Пьеро Подагриком. Несмотря на тяжелую болезнь, из-за которой он едва мог вставать с постели, и нелюбимое прозвище, особенно после называемого Великим отца, Пьеро твердой рукой правил и банком Медичи, и Флоренцией. Он продолжал пополнять коллекцию древностей, начатую Козимо, а его умная и яркая супруга Лукреция Торнабуони дружила с художниками и поэтами и сама писала стихи. С большой теплотой, почти как к собственной матери, к ней относился молодой художник, привлеченный ко двору Медичи

и впитавший его философию и блеск. Это был сын кожевника с душой лирика, успевший побывать учеником Филиппо Липпи, а затем окончивший кузницу гениев, которой управлял мастер Андреа Вероккьо, — задумчивый и тихий Сандро Боттичелли.

Творческое начало Лукреция передала своему старшему сыну, который в совсем молодом возрасте, после всего пятилетнего правления Пьеро, стал главой семьи, банка Медичи и первым гражданином Флоренции со всеми прилагающимися к этому привилегиями и обязанностями. Исключительно некрасивый, почти безобразный внешне, близорукий, лишенный обаяния из-за искривленного носа, с нечистой кожей грязноватого оттенка, с юных лет несший на себе печать наследственной подагры, этот двадцатилетний тогда человек имел все шансы получить от острого на язык флорентийского народа прозвище вроде «Неказистый» или того хуже. Но мир узнал его как Лоренцо Великолепного.

При этом правителе Флоренция, без преувеличений, стала культурной столицей мира, как Париж в девятнадцатом столетии или Нью-Йорк — в двадцатом. Выращенный гуманистами и своим дедом Козимо, который с девяти лет позволял любимому внуку присутствовать на заседаниях Платоновской академии, молодой Медичи знал множество языков, писал стихи, разлетавшиеся в народе, исполнял музыку и привлекал к себе видную интеллигенцию. В его ближайший круг входили философы Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, поэты Анджело Полициано и Луиджи Пульчи. Сандро Боттичелли стал закадычным другом правителя и однажды представил ему своего приятеля из мастерской Андреа Вероккьо, с которым вел споры

Терракотовый бюст Лоренцо Медичи, выполненный на основе его восковых прижизненных изображений, изготовленных Андреа Верроккьо и Орсино Бенинтенди. XV–XVI век. Национальная галерея искусства, Вашингтон. 65,8 × 59,1 × 32,7

об искусстве, никогда не сходясь во мнениях. Этот начинающий художник получит от Лоренцо единственный заказ, подходящий ему по духу: рисунок повешенного преступ-

ника, виновного в заговоре против Медичи, результатом которого стала трагическая гибель любимого брата Лоренцо, обожаемого флорентийцами красавца Джулиано. Леонардо да Винчи выполнит для Лоренцо лишь эту работу — видимо, у них не складывались отношения с правителем, да и немногие могли постичь таинственного, держащегося от всех особняком, замкнутого едва не до аутизма, незаконного сына флорентийского нотариуса, который станет величайшим гением человечества, постигая тайны мироздания за пределами добра и зла.

Лоренцо на самом деле давал не так много личных заказов мастерам. Даже «Весна» Боттичелли, общепризнанного «художника Медичи», была написана для кузена Великолепного, а не для него самого. И все-таки этот государь-поэт, чьи карнавальные песни распевала Флоренция на маскарадах и к чьему мнению прислушивались все европейские властители, известен как первый из меценатов. «Он заслужил это почти небывалой в любом покровителе художеств недилетантской личной причастностью к глубинам и тайнам искусства. Оттого в данном случае легенда столь дерзко спорит с истиной — и наперекор дотошным выкладкам скептических историков без труда побеждает упрямые факты. Легенда о великом меценате Лоренцо обладает совершенством подлинного произведения искусства, потому что — не по финансам, а по душе — не бывало ни до, ни после среди правителей большего друга художников, чем Великолепный», — пишет в монографии о Боттичелли искусствовед Ольга Петрочук.

Способность Лоренцо постичь тайны искусства и даже в некотором роде прозреть будущее как никогда проявилась в том, что однажды среди учеников скульптора Бертольдо,

которому Великолепный доверил создать в садах Сан-Марко первую в мире художественную школу, он заметил двенадцатилетнего мальчика, трудящегося над скульптурой фавна. Среди собранных Лоренцо и его предками античных статуй, названных термином «музей», исчезнувших на века и возрожденных Медичи, усвоив уроки древности, с недетской сосредоточенностью стучал молотом по резцу Микеланджело Буонарроти. Великолепный увидел в этом юноше гиганта, каким ему суждено стать. Он фактически усыновил его и поселил в своем дворце, окружив заботой и любовью, которую Микеланджело не получал от родного отца, стыдившегося того, что потомок знатного рода сделался простым «каменотесом». Микеланджело слушал прения философов и стихи поэтов, изучал коллекцию искусств Медичи и посещал занятия вместе с детьми Лоренцо. Эти годы, прожитые у Великолепного, навсегда оставили в нем след.

После смерти Лоренцо, прожившего всего сорок два года, во Флоренции наступили смутные времена. Ее объявил «республикой Иисуса Христа» пламенный монах Савонарола, глубоко противившийся медицейскому прогрессу, свободомыслию и светскому образу жизни. Он проклинает Флоренцию за ее грехи, добивается изгнания Медичи из города и обещает сошествие ада на землю. Савонарола не признает никакого искусства, кроме религиозного, и вскоре под влиянием его апокалиптических проповедей Сандро Боттичелли, забыв обнаженную прелесть «Рождения Венеры» и поэтическую «Весну», пишет мрачные и скорбные картины, оплакивающие тот склеп, каким теперь ему видится мир. Неизвестно, действительно ли художник бросал в жадные пасти «костров тщеславия» свои работы, но Савонарола сильно повлиял на него. Не избежал этого влияния и Микеланджело, принявший идею примата республи-